

РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XX веке. Т. III. СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (сентябрь 1931 г. – сентябрь 1937 г.). М.: Памятники исторической мысли, 2010, 861 с.

В 2000 г. Институтом Дальнего Востока РАН, Министерством иностранных дел РФ, Федеральным агентством архивов России и Российским государственным архивом социально-политической истории было начато издание серии документов и материалов об истории взаимоотношений России и Китая в XX в. Первым в двух книгах был издан четвертый том об отношениях накануне и в период Второй мировой войны – 1937–1945 гг. В 2005 г. вышел пятый том, тоже в двух книгах, охватывающий период после окончания войны с Японией, последовавшей гражданской войны и образования Китайской Народной Республики – 1946–1950 гг. Над изданием всех томов работал коллектив отечественных китаеведов, специалистов по политической истории Китая и двусторонним отношениям, современников и непосредственных участников ряда описываемых событий. Первые два тома получили высокую оценку специалистов в нашей стране¹ и за рубежом.

В 2010 г. вышел в свет третий том, посвященный периоду 1931–1937 гг.: с начала японской агрессии против Китая в Маньчжурии, ставшей прологом к полномасштабной, мировой войне в Азии и на Тихом океане². Это был период, когда от подозрительности и конфронтации обе страны перешли к пониманию общих целей и задач: от представления, что “красная” опасность более велика, чем опасность со стороны Японии (с. 223), к союзу с Коммунистической партией Китая (КПК) в антияпонской борьбе, договору с СССР о взаимном ненападении и отказу Китайской Республики (КР) от антикоммунистических пактов (док. №№ 404, 406). В томе впервые опубликован большой массив документов и материалов из ранее закрытых архивов, который дает возможность по-новому взглянуть на многие страницы международных отношений на Дальнем Востоке. Попытку установить “новый порядок” в азиатской части планеты Япония предприняла намного раньше, чем фашистская Германия в Европе. Политика СССР на азиатском направлении в тот период решала важные задачи по обеспечению мира на своих границах и созданию благоприятных внешних

условий для форсированной индустриализации и экономического развития страны.

В том вошли 418 документов и 11 приложений, посвященных широкому кругу проблем и событий международной жизни, определявших отношения между СССР и КР. Наряду с официальными договорами, соглашениями, декларациями, в него вошли документы Политбюро ЦК ВКП (б), И.В. Сталина, министров иностранных дел М.М. Литвинова, В.М. Молотова, заместителей министра Л.М. Карахана, Б.С. Стомоняка и Г.Я. Сокольников, записи бесед советских государственных деятелей и дипломатов с китайскими представителями, а также различные служебные документы: отчеты полпредства СССР в Китае НКВД и политическому руководству страны, записи бесед советских дипломатических и военных представителей с китайскими официальными лицами, с представителями других государств, служебная переписка по вопросам двусторонних отношений. Опубликованные документы и материалы дают всестороннюю, часто живую картину внутривосточной ситуации в Китае, отношений центрального и местных правительств, КПК и Гоминьдана (ГМД), участия Японии и западных держав в китайских делах. В них остается место и для тонких наблюдений и оценок, характеризующих авторов и как представителей советской политической элиты, и как представителей русской дипломатической школы.

Вторжение Японии в сентябре 1931 г. в Маньчжурию и создание на ее территории в марте 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-го стало первым звеном нового вооруженного конфликта между двумя крупнейшими азиатскими державами, продолжавшегося 14 лет вплоть до окончания Второй мировой войны. Борьба Японии за лидерство в регионе с конца XIX в. была направлена в первую очередь против Китая и России, поочередно выступавших объектами японской агрессии. После Синьхайской революции 1911 г. Китай, находившийся в полосе мучительного социального переустройства, выглядел особенно легкой добычей для восточного соседа. Внутри страны продолжалась гражданская война между ГМД и КПК, обширные территории на северо-востоке, северо-западе и юге фактически не контролировались центральным правительством, в самом ГМД шли острые дискуссии.

¹ См.: Новая и новейшая история, 2006, № 3; Проблемы Дальнего Востока, 2001, № 1, 2006, № 4.

² Ответственный редактор издания академик С.Л. Тихвинский. Редактор тома академик В.С. Мясников. Составители: А.М. Ледовский, Р.А. Миро-вицкая, В.С. Мясников.

Правительство Чан Кайши не могло эффективно противостоять японской агрессии. Сам Чан Кайши и некоторые влиятельные члены руководства ГМД, как следует из опубликованных документов, не имели однозначно определенного отношения к роли Японии на континенте и с симпатиями относились к японской идее панasiatизма (док. №№ 34, 136, 148, 229, 260, 278). Для них поиск новой модели социально-экономического развития был связан с заимствованиями, среди которых японская модель фигурировала в качестве одной из основных. Более того, Китай, так и не освободившись до конца от последствий колониальной политики европейских стран после окончания Первой мировой войны, рассчитывал с помощью Японии вытеснить их. В то же время китайская общественность связывала надежды на успешное противодействие японской агрессии с широким международным участием и видела в СССР естественного союзника, рассчитывая на его активное подключение к решению сложившейся на Северо-Востоке Китая ситуации, в том числе с применением военной силы (док. № 181). Однако дипломатические отношения с СССР были разорваны в 1929 г., а мировой экономический кризис сдерживал западные державы от активного участия в делах этого “удаленного” региона планеты. Лига Наций, формально признав Японию агрессором, воздержалась от военных мер и экономических санкций. В результате такой политики “умиротворения” Япония получила необходимые ресурсы и важный плацдарм для продолжения экспансии на континенте.

Перед СССР стояла задача не допустить японскую экспансию в северном направлении, избегая прямого вооруженного конфликта. После отказа Японии в декабре 1931 г. подписать пакт о ненападении, важная роль в решении этой задачи отводилась отношениям с КР. Москва предпринимала меры для поддержки антияпонских выступлений региональных властей, в т.ч. армий китайских генералов, оказавших сопротивление японцам, Чжан Сюэляну и Су Бинвэню (док. №№ 22, 107).

12 декабря 1932 г. между СССР и КР были восстановлены дипломатические отношения. Однако открывшиеся в результате этого возможности были ограничены для СССР как необходимостью избегать обострения отношений с Японией, так и внутривнутриполитической ситуацией в самом Китае. Чан Кайши в этот период сосредоточил усилия на борьбе с политическими противниками внутри страны в первую очередь с КПК. Поддержка центральному правительству вооружением и боеприпасами была обусловлена недопустимостью их использования против китайских

коммунистов. Документы свидетельствуют, что помимо оказания Китаю военной помощи советскими дипломатами были предприняты значительные усилия по подготовке условий для обеспечения внутривнутриполитической стабильности и создания в Китае единого антияпонского фронта с участием КПК и ГМД (док. №№ 376, 378, 379, 389, 400). Переговоры полпреда СССР Д.В. Богомолова с Чан Кайши и его представителями в 1935 – 1937 гг. завершились договоренностью о поставках вооружений и оказания военной помощи нанкинскому правительству с учетом этих обстоятельств (док. №№ 298, 301, 310, 316, 320, 352, 357, 365, 362). Подписание договора о ненападении в августе 1937 г. между СССР и КР и достижение соглашения о создании единого патриотического фронта ГМД и КПК позволило существенно увеличить поставки советских вооружений и техники, которые в начальный период антияпонской войны составили до 80% всей иностранной военной помощи КР (док. № 408).

Отдельно во взаимоотношениях СССР и КР стоял вопрос о Китайско-восточной железной дороге (КВЖД), находившейся в собственности СССР и в совместном управлении с китайской стороной. Активно выдавливая СССР из Маньчжурии, Японии использовала КВЖД в своих военно-стратегических планах, сделав ее объектом постоянных провокаций. Для ликвидации этого очага напряженности и защиты своих граждан СССР был вынужден в 1933 г. принять решение и в 1935 г. продать ее Японии за символическую сумму. Дополнительную сложность в решении этого вопроса представляло то, что Северо-Восточный Китай был крупнейшим центром белого движения. Опубликованные документы освещают меры, предпринятые советским правительством для возвращения и обустройства в СССР нескольких десятков тысяч человек, пожелавших вернуться на родину (док. № 293).

Особый интерес во взаимоотношениях СССР и КР представлял вопрос о Внешней Монголии. Несмотря на помощь СССР в строительстве Монгольской Народной Республики (МНР), по соглашению от 31 мая 1924 г. Внешняя Монголия была признана Советской Россией составной частью Китая. После провозглашения независимости Маньчжоу-го появилась реальная угроза создания на восточных границах СССР еще одного марионеточного государства на территории Внутренней и Внешней Монголии. С целью предотвращения дальнейшей экспансии Японии СССР в соответствии с Протоколом о взаимной помощи 12 марта 1936 г. ввел войска на территорию МНР. Этот крайне чувствительный для Китая вопрос потребовал большой

и кропотливой работы советской дипломатии как с руководством КР и китайской общественностью, так и с японскими официальными лицами (док. №№ 321, 325, 333, 337). Вооруженные конфликты на озере Хасан в 1938 г. и на реке Халхин-гол в Монголии в 1939 г. доказали своевременность и эффективность принятых мер. Победа в них в значительной степени повлияла на изменение вектора японской экспансии, перенаправив его с севера на юг, что, в свою очередь, помогло СССР избежать войны на два фронта в 1941 г.

В опубликованных в сборнике документах затрагивается вопрос об отношениях СССР с Синьцзяном, фактически не подчинившимся нанкинскому правительству. Тесные торгово-экономические связи СССР, а также военная и финансовая помощь Синьцзяну, которое оказывало советское правительство в борьбе с попытками Англии и Японии создать на его территории враждебное СССР и Китаю правительство, способствовали экономическому развитию региона, укреплению там дружественной СССР власти и безопасности его границ. Вместе с тем, советское руководство и в контактах с нанкинским правительством, и с администрацией Синьцзяна постоянно подчеркивало свою принципиальную позицию на сохранение суверенитета Китая над этой территорией (док. №№ 56, 133, 134, 141, 172, 210). Усилия СССР по налаживанию отношений с Синьцзяном позволили сохранить его в составе Китая. Именно через него с 1937 г. пошла военно-техническая помощь КР.

Принципиальная и последовательная позиция СССР способствовала формированию в политической элите и общественном мнении Китая понимания необходимости более тесного сотрудничества между двумя странами.

О.М. Медушевская. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ. М.: РГГУ, 2008. 358 с.

В монографии известного ученого, теоретика науки О.М. Медушевской (1922–2007) представлено системное понимание и изложение “когнитивного репертуара” современной исторической науки с точки зрения исследовательской практики историка-источниковеда.

На фоне существования различных представлений в профессиональном сообществе о статусе исторической эпистемологии и формах исторического знания в “ситуации смены парадигм” (с. 15), в книге представлена исключительная в современной российской историографии историко-философская позиция построения “парадигмы истории как

На этот период приходится активное развитие культурных и гуманитарных связей КР и СССР: в 1934 – 1935 гг. произошел обмен выставками работ известного китайского художника Сюй Бэйхуна и работ советской графики, состоялись гастроли в СССР театра пекинской оперы во главе с Мэй Ланьфаном, была достигнута договоренность об обучении в СССР музыкальных работников из Китая (док. №№ 251, 274). В 1935 г. под прямым руководством ЦИК ГМД и при активном личном участии Чэнь Лифу было создано Китайско-советское культурное общество, которое возглавил сын Сунь Ятсена председатель Законодательного юаня Сунь Фо (док. №№ 298, 305, 324, 373).

В сборнике также содержатся документы, касающиеся международного экономического сотрудничества на Дальнем Востоке, вопросов судоходства, рыболовства, нефтедобычи, торговли нефтепродуктами и лесом, организации воздушного и пароходного сообщения и др. (док. №№ 9, 44, 114, 175, 176, 179, 238, 248, 294, 308, 405). Несомненный интерес представляют документы о контактах официальных представителей КР с сыном Чан Кайши Цзян Цзиньго (Н. Елизаровым), находившимся с 1925 г. в СССР (док. №№ 241, 263, 375), об имуществе Русской духовной миссии в Китае (док. № 177). В целом рассматриваемое издание является ценной документальной базой для многих исследований по истории русско-китайских отношений, а также международных отношений в Восточной Азии и на Тихом океане.

А.В. Виноградов,
доктор политических наук,
главный научный сотрудник
Института Дальнего Востока РАН

строгой науки” (с. 16). Последняя предполагает, что обеспечение фундаментальной идеи единства строгого научного знания, которая направлена на выявление системных свойств исторической реальности, не может обойтись без “философской концепции теории и методологии истории как науки о человеке” (с. 196). Таким образом, в качестве главной интеллектуальной предпосылки выстраивания системы представлений об объекте и предмете когнитивной истории выступает понимание того, что исходным теоретическим основанием является, прежде всего, философия